

глава_1

Может быть, проще представиться так, как я умею лучше всего.

```
public static void main (String [] args)*
{
    Person шиаЧань = new Person();
    шиаЧань. возраст (16);
    шиаЧань. чиститПодъезднуюДорожку();
    шиаЧань. ходитВШколу();
    шиаЧань. вРазговорахОтмалчивается();
    шиаЧань. стесняетсяСебя();
    шиаЧань. прячетсяЗаЭкраномТелефона();
    шиаЧань. приходитДомой();
    шиаЧань. чиститПодъезднуюДорожку();
    шиаЧань. обедает();
    шиаЧань. делаетУроки();
    шиаЧань. отлаживаетУмницу();
```

* Метод main () — точка входа в программирование на языке Java.

```
    шиаЧань. вспоминаетНеловкиеМоменты();  
    шиаЧань. гнобитСебя();  
    шиаЧань. мечтаетОКалифорнии();  
    шиаЧань. спит();  
}
```

Если непонятно, я переведу. Меня зовут Шиа Чань, и мне было шестнадцать, когда началась вся эта история. До этого жизнь у меня была скучная и однообразная. Что-то происходило, я реагировала на это. Выпал снег — счистила его лопатой; испачкались тарелки — помыла; задали кучу домашки — выполнила. Мне всегда казалось, что я создана для великих дел, но по каким-то необъяснимым причинам застряла в пространственно-временной петле, где ничего интересного не происходит в принципе.

Мы с мамой жили на втором этаже трехэтажного дома в Вустере, сером невыразительном городке примерно в часе езды от Бостона. Мама переехала туда с Тайваня, когда ей было двадцать два, и я до сих пор не понимаю, как при всем разнообразии выбора ее угораздило поселиться в месте, где шесть месяцев в году идет снег и которое главным образом известно своей близостью к другим, гораздо более впечатляющим городам.

Друг у меня был один — Джина. Два, если считать вместе с ПостоянствоОбъекта, и три, если включить в эту компанию Умницу.

Прошло четыре месяца, три дня и пять часов с того момента, как я нажала на «Готово» и отправила свое заявление, видео

и табель успеваемости на Фабрику. С тех пор я не получила ни слова в ответ.

Я расчищала ступеньки перед домом, когда мне позвонили. Воткнув лопату в снег, я полезла за телефоном.

Мобильный у меня был старый, доставшийся от матери, которая постоянно напоминала мне о том, что «деньги не растут на кустах» (будучи университетским профессором и отлично владея английским, она безжалостно коверкала фразеологизмы, и эта причуда всегда добавляла изюминку в ее лекции). То, что мы живем в обществе потребления, нормализовавшем краткий цикл использования товаров в целях обогащения лишь небольшой горстки избранных, — считала мама, — не означает, что она каждый год будет покупать мне новый гаджет. В ее времена вещи делали на века. И что не так с этим телефоном? Прекрасный телефон. Отлично работает.

Я хотела ответить на звонок, но никак не могла разблокировать экран — в мороз он плохо реагировал. Водила пальцем по дисплею и все больше расстраивалась.

Хлопнула соседская дверь, и на улицу выбежала Джина, волоча за собой лопату.

— Что? — спросила она.

— Опять телефон замерз. Буквально.

— Он протестует. И я его понимаю.

У нее был очень мягкий выговор — единственный известный мне случай, когда новоанглийская речь звучала приятно.

Я снова попробовала принять звонок, и на этот раз получилось.

— Привет, — сказал мужской голос. — Я Тони из «Тайр-Макс Америка», хочу рассказать вам о наших сезонных акциях...

У меня сжалось сердце.

— Не интересует, — буркнула я и сунула телефон в карман.

— Из стартаповской духовки никаких известий? — спросила Джина.

Она имела в виду Фабрику.

— Из инкубатора, — поправила я. — Духовка печет. А инкубатор мягко греет, способствуя зарождению жизни.

— Да называй как хочешь.

— Нет, ответа не было.

Фабрика. Вообще, она называлась школой, но, по сути, это было единственное в своем роде место, откуда начинали путь все айти-вундеркинды. На курс принимали только двадцать человек, которые в течение года бесплатно учились и проживали в кампусе, расположенном в Кремниевой долине, а также соревновались за звание Основателя. Победитель получал стартовый капитал в миллион долларов и, что еще важнее, известность, уважение и всеобщее признание.

Я мечтала попасть туда с десяти лет, когда впервые прочитала в газете статью про Митци Эрст — девочку-гения, выпускницу Фабрики и создательницу первого приложения по распознаванию лиц «Найди меня», с помощью которого можно было отыскать свои фотографии по описанию. Митци запустила несколько фоторедакторов, но самым известным стал «Ретро-Грам» — он превращал современные снимки в портреты девятнадцатого века.

Митци давным-давно выросла, но вырезка со статьей о ней по-прежнему висела у меня над кроватью вместе с профайлами и старым интервью, в котором она рассказывала, что каждый, у кого есть интересная задумка, может попасть в Калифорнию, если будет усердно трудиться. Но, видимо, только не я.

Мне в первую очередь были важны не деньги и даже не победа, хотя, конечно, и то и другое — здорово. Я мечтала оказаться среди тех, кто меня поймет. Кто не сочтет меня сумасшедшей ботанкой, способной беседовать только с компьютерами. Кто, познакомившись с Умницей, оценит ее возможности, а заодно и мои.

Я с тоской оглядела громоздившиеся вокруг сугробы.

— Кто сказал, что эти места пригодны для жизни человека? Выделить, щелкнуть, удалить. Почему никто до сих пор не придумал, как это делать в реальности?

— Придется тебе самой постараться, — ухмыльнулась Джина. — Хотя, вообще, не ясно, чем ты недовольна. Ваша подъездная дорожка на полтора метра короче нашей.

Джина была младшей из четверых детей в семье, и ей постоянно приходилось перекрикивать братьев, отчего у нее выработался очень громкий голос. Мы были полными противоположностями друг другу: она — низкая, а я — высокая; она — кругленькая, а я — тощая; она — милая и обаятельная, а я — нелепая и нескладная. Джина хоть и жаловалась на холод и снег, любила зиму, по вечерам она мечтала о собственной комнате, в то время как я каждый день сидела одна

в пустой квартире, желая окружить себя людьми. Она была совершенно безнадежна в информатике, зато любила спорт — занималась сама и следила за соревнованиями. Мы жили по соседству с детства.

— Это единственное время года, когда я рада, что живу не в большом доме, — сказала я. — Представляешь, каково это — чистить от снега длиннющие, извивающиеся подъездные дорожки?

— Если бы ты жила в таком доме, тебе бы хватало денег, чтобы заплатить тому, кто расчистит их за тебя, — заметила Джина.

— Если бы у меня было столько денег, я переехала бы туда, где не бывает снега.

Джина закрыла глаза:

— М-м-м. Флорида.

— Калифорния, — мечтательно подхватила я, — пальмы.

— Голубая вода, — сказала Джина, — и белый песок. Такой горячий, что босоножки не снимаешь.

Представив горящие ступни, я немного сбилась с мысли.

— Холодная содовая и следы загара.

— Некрасивые следы, — нахмурилась Джина. — Солнечные ожоги.

Про ожоги мне тоже не понравилось.

— Песок в стакане с содовой.

— Песок в купальнике.

— Чайки выхватывают еду прямо из рук, — сказала я.

— Водоросли щекочут пятки, когда плаваешь.

Меня передернуло.

— Острые камни царапают ноги.

— Медузы маскируются под целлофановые пакеты, — продолжила Джина.

— Наступаешь по ошибке на медузу, — сказала я, морщась.

— Писаешь на место ожога после того, как наступила на медузу.

— Идешь плавать после того, как пописала на ожог, который получила, наступив на медузу, и вдруг замечаешь под водой темную тень, — сказала я.

— Трагически погибаешь в расцвете лет от нападения акулы после того, как пописала на ожог, который получила, наступив на медузу.

Мимо по дороге проехал снегоборщик, сдвигая снег с проезжей части к нашим подъездным дорожкам.

— В принципе, здесь не так уж плохо, — заметила я.

— Согласна.

Мы дружно взялись за лопаты, и тут снова зазвонил телефон. Опять незнакомый номер. Наверняка еще какая-нибудь реклама, и все же я решила ответить. Но на этот раз мобильный заledenел окончательно и категорически отказался разблокироваться.

— Пойду внутрь, — бросила я Джине, взбегая по ступенькам.

Мы с мамой жили в маленькой квартирке, практичной и опрятной, не считая кухонного стола, который одновременно служил маминым письменным и был завален бумагами.

Сейчас мама читала лекции по политологии в четырех колледжах. Она или моталась из кампуса в кампус, чтобы успеть на занятие, или проверяла письменные работы. Либо же готовилась к лекциям, жалуясь на пробки и низкий уровень образования в стране, на грабительские цены за обучение и на отказ брать преподавателей в штат, из-за чего они изнуряли себя годами — нет, десятками лет — рабского труда, пока университеты богатели за их счет.

Я положила телефон на верх холодильника, где было тепло, и поставила чайник, чтобы заварить себе рамен. Пока вода закипала, я выдернула из розетки микроволновку и переставила на стол. Затем развинтила ее корпус и продолжила колдовать с проводами. Прикрепив к задней стенке одноплатный компьютер, я соображала, как его подсоединить, чтобы загрузить из интернета таймер разных блюд и голосовой помощник. За все время экспериментов я лишь однажды случайно расплавила пластиковую миску, зато микроволновка, разогревая замороженную мини-пиццу, сыграла мне григорианский гимн. Под такое сопровождение вращающийся на стеклянном диске блин теста казался древней реликвией, наделенной божественной силой и излучающей прерывистый, мутный свет. Дело двигалось.

Копаясь в проводах, я посматривала на стопку маминых бумаг. Это были записки ученикам. Понятно, что мне не следовало их читать, но удержаться было невозможно. Вот такое у меня имелось нездоровое увлечение — заглядывать в ее параллельную жизнь. «Совершенно новый взгляд на хорошо

изученный исторический период, — говорилось в одной записке. — Мне очень понравился ваш анализ роли женщин в студенческих волнениях. Не могли бы вы остановиться подробнее на экономических причинах их участия в протестном движении?»

Я не раз читала мамины записки, и они всегда выводили меня из равновесия. Она никогда не разговаривала со мной так, как со своими студентами. Ей было проще выразить свою любовь ко мне другим способом, например провести полночи за гладкой моей одеждой. Самая большая похвала, которую я от нее слышала: «Ты способна на большее». Можно было пересчитать по пальцам руки, сколько раз на моей памяти она меня обнимала. Не помню, чтобы ее заинтересовала хоть одна моя мысль, чтобы ей «понравилась» хоть одна моя идея, и все же я упорно читала ее заметки, заранее зная, что расстроюсь.

Пискнул телефон. Я переложила его на стол.

— Умница, почему у меня не бывает интересных идей?

Телефон ответил моим голосом, только более взрослым — уверенным и глубоким, чуть с хрипотцой. Речь грамотнее, словарный запас богаче. Я могла бы так изъясняться лет через двадцать.

Такова была моя задумка.

— У тебя есть множество интересных идей, — сказала Умница. — Я, например.

— А кроме тебя?

Умница затихла — просматривала сведения обо мне в поисках подходящего ответа. Она жила в глубине моего телефона,

постоянно слушала и копила информацию. Стоило только окликнуть ее по имени — и она тут же просыпалась и отвечала. Закончив разговор, я произносила: «Спасибо, Умница», и она снова засыпала.

— Ты как-то создала программу, с помощью которой можно было заранее определить, на какой дороге будет больше всего выбоин, исходя из плотности движения, размеров улицы и среднего уровня жизни обитателей данного района.

Я терпеть не могла эту программу. Сделала ее специально для мамы после очередного прокола шины. Я тогда сидела на обочине, выслушивая ее жалобы о том, что придется как-то выгадать время и починить машину, не опоздав при этом на занятия.

— Ну да, только она не работала. Мы заблудились из-за нее.

— Но идея была интересная. Проблема заключалась в возможности заранее оценить качество асфальта.

— Угу, помню, — пробормотала я.

Умница замолчала. Это была естественная пауза, заложенная программой, но мне все равно показалось, будто она огорчилась, и стало неловко, что я так резко ее осекла.

— Извини.

Сквозь потолок доносились шаги соседей сверху. Там жила семья из четырех человек. Они вечно падали, ссорились, хлопали дверями, визжали и смеялись, а их собака лаяла.

За окном летел снег. Мама должна была вернуться еще часа через три. В нашей квартире было тихо и пусто.

— Умница, я всегда буду одна?

— Каждый из нас один.

— Мне от этого не легче.

— Передо мной не стоит задача сделать так, чтобы тебе легчало, — ответила Умница. — Сканируя имеющуюся информацию и используя алгоритм предсказания наилучшего варианта событий, я делюсь советами, которые могла бы дать себе ты из будущего.

— Да знаю, знаю, — простонала я.

— Впрочем, я полагаю, конечная цель состоит в том, чтобы ты принимала более правильные решения и, следовательно, чувствовала себя лучше, так что, возможно, действительно, моя задача — сделать так...

Ее перебил звонок. Это был тот же номер, что и в последний раз. Я ответила.

— Привет. Я звоню Кс... Ксие Чань, — произнес мужчина.

Голос был хорошо поставлен, так обычно разговаривают телеведущие. Я подумала, что это очередной маркетолог, намеревающийся мне что-нибудь впарить. К тому же он не знал, как произносится мое имя.

— Ее нет дома, — сказала я. — И вообще, она еще маленькая, у нее нет кредитной карты. Пожалуйста, вычеркните этот номер из своего списка.

Я уже собиралась сбросить вызов, когда он меня остановил.

— Постойте, не отключайтесь.

Я замерла в ожидании.

— Это ее мама?

— Да, — медленно ответила я, подозрительно прищурившись. — А кто это?

— Меня зовут Ларс. Я звоню поздравить ее.

— Поздравить с чем?

— Я руковожу организацией «Фабрика». Мы ведем программу развития для талантливых подростков. Несколько месяцев назад ваша дочь прислала мне видео проекта, над которым она работает, под названием «Умница». Я уверен, что вы в курсе.

Мое сердце колотилось как бешеное. Это был Ларс. Теперь я узнала голос.

— Вы Ларс Лэнг. Вы придумали игры «Ты сможешь». — Тут я сообразила, что выдаю себя, и замолчала, собираясь с мыслями. — Моя дочь так любит вас. В смысле обожает. Ей очень нравится то, чем вы занимаетесь.

Он рассмеялся.

— А мне нравится то, чем занимается она. Собственно, поэтому я и звоню. Если я оставлю ей свой телефонный номер, вы скажете, чтобы она мне перезвонила?

— С удовольствием передам ей ваше сообщение, — быстро ответила я.

— Если вы не против, мне хотелось бы самому ей сообщить.

— Поверьте, я все передам. Она придет поздно и расстроится, если узнает, что вы позвонили, но не рассказали почему.

Ларс ненадолго задумался.

— Ну хорошо. Передайте ей, что мне очень понравилась Умница. По-моему, это чрезвычайно перспективный проект. Никогда еще не видел такого приложения и очень хотел бы

узнать о том, как Ксия собирается работать над ним дальше. Надеемся, что она приедет к нам в Калифорнию, если ей это по-прежнему интересно, и станет частью нашего класса юных разработчиков.

У меня голова шла кругом — наверное, так бывает от шампанского. Неужели мой некачественный ролик, снятый на телефон Джины, кто-то посмотрел, одобрил, переслал дальше и еще дальше, пока его не увидел сам Ларс Лэнг? Неужели мой ролик понравился Ларсу? Неужели он посчитал Умницу перспективным проектом? И пригласил меня в Калифорнию?

— Значит, ее приняли? — спросила я.

— Ее приняли.

Я торопливо обернулась, чтобы поделиться новостью, но дома никого не было.

— Шиа, — сказала я.

— Прошу прощения?

— Так произносится ее имя.

— А, извините. Признаю свою ошибку. Пусть перезвонит, и я расскажу все подробно. Затем вас соединят с преподавателями, чтобы вы получили полное представление о программе обучения и о том, чем и как ваша дочь будет заниматься, если примет наше предложение.

— Она примет, — быстро сказала я. Потом откашлялась, чтобы голос звучал взрослее. — Уверена, что она согласится. Но, конечно, я передам, чтобы она вам перезвонила.

— Отлично, — ответил он. — Буду ждать с нетерпением.

Я отключилась и замерла, не зная, что делать дальше. Рука, держащая телефон, дрожала. Неужели это правда произошло? Меня переполняло чувство счастья, и, забыв обо всем, я выбежала на улицу, чтобы рассказать Джине. Но уже стемнело, и на подъездной дорожке у ее дома никого не было. Наверное, она ушла ужинать со своей семьей. Единственным человеком, встретившимся мне, была наша домовладелица, посыпавшая солью боковые ступени. Она посмотрела на меня с изумлением.

— Где твоё пальто? Мороз на улице.

— Я уезжаю в Калифорнию! — сообщила я. Надо же было хоть с кем-то поделиться.

— Пальто все равно надень.

Я расплылась в улыбке. По-прежнему падал снег, и на мои рукава ложились большие толстые снежинки. Недавно расчищенную дорожку снова засыпало, но мне было все равно. Мне обещали, что я уеду в Калифорнию.

Однако хозяйка была права. Холод стоял страшный. Я поспешила в дом.

— Умница, — сказала я в телефон, — у меня получилось. Меня приняли на Фабрику.

— Знаю, — ответила она. — Поздравляю.

Я ожидала, что она еще что-нибудь скажет, но это было все. Я отметила про себя, что надо будет добавить радости ее голосу и увеличить текст поздравления.

— Как мне отметить это событие?

— Устрой вечеринку.

— Серьезно? Это твой совет?

— Да. А что не так?

Я закатила глаза. Мне пришлось бы слишком долго объяснять, почему я не могу устроить вечеринку для самой себя.

Поэтому я просто сказала:

— Это невозможно.

— Сходи в ресторан.

— Я не умею водить машину.

— Купи воздушные шарик.

Определенно стоило доработать эти ее стандартные ответы.

— Я уже большая.

— Сходи на маникюр.

— Ты вроде должна неплохо меня знать.

— Испеки пирог.

— Ты же в курсе, что мама не держит дома ингредиенты для выпечки.

Тем не менее Умница все же подала мне идею. Покопавшись в кухонных шкафчиках, я нашла пакетик с быстрорастворимым какао и старую упаковку маршмеллоу. Я родилась зимой, и каждый год в мой день рождения мама заваривала две кружки какао и мы садились вместе на диван смотреть кино. Это был один из немногих дней, когда она откладывала в сторону студенческие работы и проводила весь вечер со мной.

Сделав себе напиток, я отправилась в свою спальню. Комната была простой — несколько вырезок из газет и журналов

со статьями про Митци Эрст над кроватью; большой компьютерный блок под рабочим столом. Компьютер я собрала сама из частей, купленных по дешевке через интернет, включая уродливый коричневый вертикальный корпус, который пришлось выкрасить серебряной краской, чтобы выглядел поновее.

Я не стала зажигать лампу и опустила жалюзи, на которые были приклеены скотчем постеры с изображением пальм. Потом активировала рабочий стол и установила на обои калифорнийский пейзаж. Экран осветил комнату мягким теплым светом.

— Умница, включи шум океана, — попросила я, опускаясь на постель и укрываясь сбившимся одеялом. — Расскажи мне о Калифорнии.

Я сидела на кровати, потягивая шоколад, и слушала, как Умница описывает прозрачную синеву Тихого океана и скалистые берега, поросшие кипарисами, оранжевые закаты и утренние дымки. Праздник вышел не самый шумный, зато мой собственный.

глава_2

Проснувшись на следующее утро, я услышала мамины шаги — она на кухне готовила завтрак. Я села в кровати, гадая, не приснился ли мне прошлый вечер, но, просмотрев историю звонков, поняла, что все правда. Мне позвонил Ларс Лэнг и сказал, что я принята на Фабрику. Я повалилась обратно и лежала, улыбаясь, пока мамин голос не вернул меня в реальность.

— Шиа? Завтрак через пятнадцать минут.

Была суббота, а это означало, что нас ждали домашние дела. Соскочив с кровати, я оглядела комнату и пожалела, что не родилась в будущем, когда не придется тратить свое время на выполнение задач вручную. Один щелчок пультом — и кровать застелена. Щелк — белье собрано и лежит в стиральной машине. Щелк — посуда помыта, подъездная дорожка расчищена от снега. Щелк — уроки сделаны.

Я еще не знала, что скажу маме. Ей не понравится, что мне придется уйти из школы, хотя формально Фабрика — тоже школа. Мама решит, что я собираюсь бросить учебу.

Взяв телефон, я набрала номер Ларса Лэнга. Он ответил спустя несколько гудков.

— Да?

Меня удивил его раздраженный тон.

— Да. Кто это? — Кажется, я его разбудила.

Я посмотрела на часы. Было не так уж и рано.

— Это Шиа Чань. Вы просили меня перезвонить.

— А ты знаешь, сколько сейчас времени?

— Э-э... девять тридцать.

— Я в Калифорнии. Сегодня суббота, шесть тридцать утра по местному времени.

У меня перехватило дыхание.

— Простите, пожалуйста. Я не подумала...

— Ничего. Просто дай мне минутку, чтобы прийти в себя.

Последовала длинная пауза. На заднем плане я слышала шарканье. Звон посуды. Писк, похожий на сигнал микроволновки.

— Слушай, — произнес наконец Ларс, — сейчас слишком рано, и я не в силах долго разглагольствовать, поэтому отброшу любезности и буду говорить только по делу. Мне понравилась Умница. Сама идея, исполнение. Придуманный тобой алгоритм поиска информации для генерирования ответов — бесподобен. И то, что Умница — это сам пользователь из будущего, а не какой-то нейтральный бестелесный голос, тоже очень... круто. Открывается бесчисленное количество возможностей.

Я никогда не рассуждала об Умнице в таких профессиональных терминах и была удивлена тем, как классно все звучало со стороны.

— Программа составлена несколько путано, но для этого тебе и нужны мы. Фабрика обладает ресурсами, которых больше нигде не найти. Это не только деньги, но и доступ к информации.

— Шиа? — позвала мама, но я не ответила.

— Думаю, Умница может стать настоящим открытием, и я хочу помочь тебе усовершенствовать ее, — продолжил Ларс. — Мы будем рады видеть тебя в новом классе разработчиков. Что скажешь?

Меня охватила такая буря чувств, что я потеряла дар речи. Я была взволнована и обеспокоена — боялась, что Ларс позвонил мне по ошибке, что на самом деле он собирался пригласить кого-то другого, ведь разве я была достойна всей этой похвалы? Ни один человек в Вустере не считал меня гениальной — да даже просто способной. В лучшем случае — странной. Я увлеклась программированием, потому что мне было скучно и одиноко, потому что хотелось общаться, а было не с кем. Я посещала все занятия по информатике в нашей школе, но там давали только основы. Поэтому более продвинутые задачи осваивала сама с помощью онлайн-уроков и библиотечных книг. Как такой человек мог обладать знаниями, достаточными для поступления на Фабрику?

— Но ведь это не шутка, нет? Вы правда Ларс Лэнг?

Он рассмеялся.

— Правда. И нет, это не шутка.

— Не могу поверить, — прошептала я.

— Я приехал сюда десять лет назад и до сих пор не верю случившемуся. Так что не волнуйся, ты такая не одна.

— Шиа? — снова окликнула мама. — Ты с кем-то разговариваешь?

— Иду! — крикнула я. — Одеваюсь. — Потом в телефон: — Извините, это моя мама.

— Все в порядке, у меня тоже есть мама, — ответил Ларс. — Обдумай все и сообщи через неделю...

— Мне нечего обдумывать, — перебила я. — Я согласна.

Я почти что услышала, как он улыбнулся.

— Замечательно. Тогда мой помощник вышлет тебе все детали. Да, Шиа... приятного завтрака.

Закончив разговор, я прижала телефон к груди. Все было по-настоящему. Я собиралась в Калифорнию. Оставалось только уговорить маму.

— Ты сделала что-то с микроволновкой? — спросила мама, когда я села за стол.

В то утро, казалось, у нее было плохое настроение, хотя я понятия не имела почему.

— Нет, — смущенно ответила я, отводя глаза. — А что?

Мама была маленькая и жилистая, всегда напряженная и собранная. Практичная, коротко стриженная женщина, одевавшаяся удобно и просто.

Она переложила половину яичницы с помидорами на мою тарелку и села рядом.

— У меня чай в микроволновке вскипел и убежал. Раньше такого не случалось.

— Странно, — проговорила я, делая вид, что не имею к этому никакого отношения. — Могу посмотреть.

Мама изучающе взглянула на меня, как будто знала, что я вру.

— Ты вечером пила какао?

— Откуда ты знаешь?

— Увидела пакетик в мусорном ведре. У кого был день рождения?

— Ни у кого. Я... — Надо было сразу все рассказать, но меня будто перемякнуло. — Я замерзла, пока расчищала снег.

Мама не сводила с меня подозрительного взгляда.

— Хозяйка сказала, что видела тебя без пальто.

Моя мама обладала потрясающей способностью ничего не упускать из виду даже во время своего отсутствия. Интересно, поделилась ли с ней хозяйка моим заявлением о Калифорнии?

Но об этом мама не спросила. Она торопливо доедала яичницу. Всегда куда-то спешила.

— Как там сочинение?

Сочинение? Мне надо было сдать сочинение? Я как-то забыла.

— Нормально.

— Мне сегодня нужно встретиться со студентом, а до этого проверить тетради. Ты можешь...

— Позаботиться о том, чтобы к твоему отъезду дорожка была расчищена, — договорила я. — Прямо сейчас этим займусь.

Закончив завтрак, я надела пальто и вышла. Мамина машина была покрыта почти метровым слоем снега. Джина уже была на улице — откапывала автомобиль своего папы.

— Что-то ты сегодня слишком веселая, — сказала она. — С каких пор в тебе столько энергии по утрам?

Я бросила осторожный взгляд на наше окно и взволнованно прошептала:

— С тех пор как меня приняли на Фабрику.

Джина ахнула и воткнула лопату в снег.

— Что? Когда?

— Мне позвонили вчера вечером.

— Ну конечно, — сказала Джина. — Я всегда знала, что ты прославишься. Ведь ты изобрела штуку, которая предсказывает будущее. Все хотят знать, что их ждет.

— Ну не то чтобы предсказывает, — заметила я. — Она имитирует будущего тебя и дает советы.

— Окей. Это то же самое.

Джина не интересовалась программированием, но всегда внимательно слушала меня, даже если помирала со скуки. Ее родители держали в городе ресторанчик и хотели, чтобы Джина с братьями когда-нибудь продолжили семейное дело.

— Так нечестно. Вот ты вечно сидишь на последней парте, втихую ковыряешься в своем телефоне, почти не слушая, что говорят на уроке, а тебе все равно ставят отличные оценки и берут в суперлагерь для юных гениев. В то время как я всегда в первом ряду, строчу следом за учителем, но в итоге получаю только удовлетворительно.

Я закатила глаза.

— Это не лагерь, и я не гений.

— Эм, напомни мне, кто тебе звонил?

— Ларс Лэнг.

— Точно. Ларс Лэнг. Даже мне известно, кто он. — Джина прищурилась. — Погоди. Ты хочешь сказать, что переезжаешь в Калифорнию?

Я промолчала, разрываясь между радостью и чувством вины.

— Ты бросаешь меня здесь?

— Ну тебе же здесь нравится. Это все знают. И потом, у тебя есть братья.

— Я их не выношу.

— Это всего на один год.

— Знаю. Мне просто хочется повредничать. А как же школа? Ты маме сказала?

— Еще нет. — Я оглянулась на окно. — Ей это не понравится. Она скажет, что я собираюсь бросить учебу.

— А это не так?

— Конечно нет. Я же буду там учиться. Той же истории и английскому, — объяснила я. — Но вместо математики будут уроки бизнеса и бухгалтерский учет, а вместо химии — компьютерное программирование.

— Но главная цель — выиграть звание Основателя и получить кучу денег, чтобы начать собственное дело, так? Я же записывала твоё видео и помню, что такое Фабрика. Тебя поселят в одном доме с другими юными гениями, и вы будете соревноваться между собой. И, конечно, ты всех победишь. Получишь миллион долларов, наберешь сотрудников и откроешь собственную компанию. Станешь боссом и будешь руководить. Вряд ли ты сможешь вернуться в школу как ни в чем не бывало.

А ведь Джина была права. Мечтая основать компанию по производству Умниц, я представляла, как поделюсь своим открытием с окружающими и буду получать деньги за то, что работаю над изобретением целыми днями. Но, честно говоря, я никогда не задумывалась, каково это — изо дня в день руководить компанией. В моем воображении всплывали только картины, как я презентую новые продукты и даю интервью.

— Во-первых, я, скорее всего, не выиграю. Я вообще немного беспокоюсь, что они перепутали и позвонили не той Шиа Чань.

Джина закатила глаза:

— И много ты знаешь людей с таким же именем? Ой, прекрати.

— Во-вторых, если я стану боссом, то смогу делать все что захочу. Смогу нанять заместителя, который будет управлять компанией, пока я доучиваюсь в школе. Посмотри на Ларса Лэнга. Он ведь не каждый день руководит работой Фабрики. Ну и, в конце концов, даже если я выиграю, моя компания может прогореть. Множество компаний прогорают.

— Да, но ты не такая, как все.

— Может, мне стоит сделать акцент на школьной программе, когда я буду разговаривать с мамой, — задумалась я. — Преподнести ей поездку на Фабрику как возможность получить классное образование, которое поможет позже поступить в колледж. Поменьше болтать об управлении собственной компанией.

— А своему онлайн-парню ты рассказала? — спросила Джина.

Меня бросило в жар, несмотря на холод. Джина имела в виду ПостоянствоОбъекта — мальчика, с которым мы переписывались больше года на форуме подростков-программистов под названием «БитБоп».

— Он не мой парень, — сказала я. — Нет, не рассказала. Мы не обсуждаем ничего подобного, я даже не знаю, как его зовут.

— А вдруг его тоже пригласили? Он ведь программист?

Мне приходило в голову, что он тоже мог подать заявление о поступлении на Фабрику, но эта мысль казалась слишком уж неправдоподобной. Ну а даже если подал, вероятность того, что мы оба поступим, была крайне мала. И все же на один миг я позволила себе помечтать о нашей встрече. Узнала бы я его?

— На форуме тысячи подростков-программистов. Каков шанс?

— Но все-таки это возможно, согласись! — настаивала подруга. — Интересно, как он выглядит. Вдруг неземной красавец?

Я покраснела. Каждый разговор о нем вгонял меня в краску.

— А может, наоборот, — поморщилась Джина.

— Это вряд ли. Он слишком забавный. И милый. И умный. Джина вздернула бровь:

— Всем известно, что красавчики не бывают милыми, им это не нужно. А милыми становятся мальчики, которым больше нечего предложить.

— Это растиражированный фильмами и журналами стереотип, который предполагает, что существует лишь один стандарт красоты. На самом же деле красота — в глазах смотрящего.

Джина рассмеялась:

— Ну ладно, ладно, Ницше.

— Ницше не говорил ничего подобного, но все равно спасибо.

— А может, твой парень — вовсе не наш ровесник? А вдруг он — извращенец? Шестидесятилетний мужчина, прикидывающийся шестнадцатилетним подростком?

— Ему точно не шестьдесят, — возразила я. — Моей маме сорок три, а она с трудом соображает, как пользоваться телефоном. Шестидесятилетние старцы не сидят в «БитБопе».

— Ну не знаю. Тебе известно о нем только то, что он любит кодировать под музыку Бетховена. Знаешь, кто из моих знакомых любит Бетховена? Мой папа. И всякие прочие папы.

— Молодые тоже слушают Бетховена, — возразила я. Лишь произнеся это вслух, я поняла, как жалко звучит мой аргумент. — Все знают Пятую симфонию. И потом, он сам сказал мне, что учится в старшей школе. Еще он часто жалуется на отца, на то, какой он строгий.

— Именно так вел бы себя шестидесятилетний мужчина, пытающийся убедить окружающих в том, что он — тинейджер.

— Тинейджеры ведут себя так же.

— В какое время он тебе обычно отвечает?

— Не знаю. Вечером, наверное.

— Значит, после работы, — заключила Джина.

— Или после школы.

— Короче, решено, это папаша.

Я закатила глаза:

— Он не папаша, и ему не шестьдесят.

— Это все твоя фантазия, — пожала плечами Джина. — Любопытно, какими там будут остальные ребята? Может, все поголовно с прибабахом?

— Почему это они должны быть с прибабахом?

— Ну, ты же знаешь программистов. Сидят целыми днями в обнимку со своими компьютерами, бледные и молчаливые. Никакой социализации.

— У меня нет социализации?

— Все, кроме тебя, — поспешно исправилась Джина. — Хотя ты тоже бледная. Но тебе идет, это часть твоего имиджа.

А я и не догадывалась, что у меня есть имидж.

— И какой же у меня имидж?

— Ну вот этот твой ежедневный прикид — черная водолазка с черными джинсами, как у всех прославленных руководителей. В нем ты выглядишь нелюдистой и болезненной, но в то же время умной и ко всему безразличной — этакая жительница большого, вечно пасмурного города, которая пьет кофе пять раз в день.

— Я не болезненная.

— Всего лишь неподвзятый взгляд со стороны, — вскинула руки Джина.

Я осмотрела себя. Под пальто на мне были черные джинсы и черная водолазка. Митци Эрст однажды сказала в одном

из своих интервью: надо всегда одеваться, как тот, кем ты хочешь стать. Проникшись ее словами, я постепенно заменила весь свой гардероб униформой, в какую была одета и сегодня. Униформой, которую я столько раз видела на выступавших программистах.

— Это практично и тепло.

— Знаю.

— Какая-то я противная, судя по твоему описанию, — по-мрачнела я.

Заметив, что хмурюсь, я попыталась улыбнуться, но это показалось мне неестественным и даже жутковатым. Поэтому я решила вообще не показывать эмоций, и придала лицу непроницаемое выражение. Что и требовалось доказать. Безразличная.

— Безразличная — не то же самое, что противная, — заметила Джина.

— Я не безразличная. Меня волнует множество вещей.

— Да я знаю, — ответила Джина. — У тебя просто отрешенный вид, вот и все. Это круто. Ты ни на кого не похожа.

Я, прищурившись, посмотрела на подругу, задаваясь вопросом, не сказала ли она это только затем, чтобы успокоить меня.

— Совершенно ясно представляю тебя, бледную и серьезную, в черной водолазке, перед большим экраном с длинной указкой в руке.

— После года в Калифорнии от бледности не останется и следа, — сказала я.

— Останется, если будешь все время ходить в водолазках. Думаешь, мама отпустит тебя так далеко?

— Да ее все равно не бывает дома целыми днями. Она даже не заметит моего отсутствия.

Мне очень хотелось верить собственным словам, чтобы не чувствовать себя виноватой перед мамой, но в глубине души я прекрасно понимала: это неправда.

— Она же твоя мать, — изумленно протянула Джина. — Конечно заметит.

— Может, если я скажу, что получу деньги на карманные расходы, она меня отпустит. Там реально выдают корпоративную карту каждому ученику.

— На какую сумму?

— Пока не знаю. Помощник Ларса все подробно напишет.

— Тебе напишет помощник? Стало быть, сумма большая. Обычно, если в ресторанном меню нет цен, значит, они слишком высоки, чтобы их разглашать.

Я никогда не считала, что мы с мамой живем бедно, но в то же время не могла вспомнить ни дня, когда бы мысль о нехватке денег не портила маме настроение. Над нами будто висела серая туча, грозящая в любую минуту пролиться дождем. Мне трудно было представить, каково купаться в лучах финансового благополучия. Это казалось невозможным: туча была неотъемлемой частью нашей жизни.

— Что будешь делать с деньгами? — спросила Джина.

Только тогда я впервые подумала о том, что у меня появятся собственные деньги.

— Не знаю. Наверное, куплю новый телефон.

— И все?

На самом деле я хотела поступить на Фабрику не из-за денег. Мне казалось, что только там я почувствую себя на своем месте.

— Не знаю. Наверняка существуют какие-то правила. Типа их можно тратить только на школьные товары.

— Карандаши? — Джина тряхнула головой. — Люди на корпоративные деньги покупают машины, а не тетрадки и папки.

— Может быть, получится починить мамину машину.

— Починить? Да купишь ей сразу новую. Можешь и мне заодно. В качестве оплаты за то видео, которое я для тебя сняла. Если бы не я, ты никуда не поступила бы, — со смехом крикнула Джина, взбегая по ступенькам к себе на крыльцо. — Помни об этом.

— Да ты и водить-то не умеешь.

— Разве это имеет значение, если ты хочешь сделать подруге подарок?

Я улыбнулась, но не поверила ей. Приятно было помечтать, однако я не думала всерьез, что когда-нибудь разбогатею. Со мной такого не могло произойти. И, самое главное, мама еще не дала мне разрешения на отъезд.

Я разблокировала телефон.

— Умница, как мне уговорить маму отпустить меня?

— Скажи, что получила возможность, которая выпадает раз в жизни. Тебе предложили поучаствовать в обучающей программе для талантливых юных программистов, и ты хочешь поехать.

— То есть ты предлагаешь просто сказать правду?

— Правда — всегда лучший вариант, — ответила Умница.